

нения знаний, умений и навыков, именно в этом автору статьи видится смысл и суть компетентного подхода. Нормативный документ школы, где описывается данное пространство — *образовательная программа школы*, которая включает в себя:

- образовательные предметные программы школы с особым продумыванием целей каждого учебного элемента (урока, задачи, упражнения);
- метапредметные программы;
- личностно-ориентируемые технологии.

Все это позволяет формировать новый уровень образованности с позиции компетентного подхода, определяемого способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний.

Незатронутой в данной статье является вопрос оценки образовательных результатов, которые основываются на анализе уровня образованности, компетентности достигнутых учащимися на определённом этапе. Это еще один интереснейший аспект реализации компетентного подхода и оценка эффективности его внедрения.

Литература

1. *Лебедев, О.Е.* Компетентный подход в образовании [Текст] / Школьные технологии. — 2004. — № 5. — С. 3—12.
2. *Хуторской, А.В.* «Ключевые компетенции в школьном обучении»: Электронные материалы дистанционных курсов. [Текст] / А.В. Хуторской — Электронный ресурс: <http://www.eidos.ru/courses/themes/21210/index.htm>
3. *Гетман, Н.А.* Подготовка педагогов к работе по метапредметным программам. [Текст] / Н.А. Гетман — Электронный ресурс: <http://www.sibuch.ru/article.htm?451>

Зверева М.Н.

УСТНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДОПИСЬМЕННЫХ И РАНЕПИСЬМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Изучение устной традиции, связанной с историей ранней государственности, довольно часто оказывалось в плену утилитарного подхода, когда значимость традиции оценивалась исключи-

тельно или почти исключительно с точки зрения ее конкретно-исторической и социокультурной достоверности. С другой стороны, исследование устной традиции, фольклора как исторического источника часто противопоставляется исследованию его как памятника культуры. Прямо или подспудно эти подходы рассматриваются нередко как взаимоисключающие. Соответственно, методология научного анализа устной исторической традиции уже с XIX в. рассматривалась в контексте споров о ее значении в качестве исторического источника. Соотношение историко-культурной значимости памятников фольклора (в общем, сомнений не вызывавшей) и места их как источника по конкретной истории описываемого в них времени далеко не сразу было оценено адекватно. Дискуссии по этим проблемам идут в истории и филологии и по сей день. Высказанные в этой связи оценки распространяются не только на известную благодаря собирателям нового времени народную традицию, но и на раннеписьменные исторические памятники, которые в древнейших своих частях восходят опять же устному преданию.

В научной фольклористике XIX в. преобладали две основные научные школы — «мифологическая» и школа заимствований, значение которых в развитии науки о фольклоре трудно переоценить. Именно их представителям принадлежат заслуги создания фольклористики как науки, начала исследований в области сравнительной мифологии и фольклористики, межэтнических контактов в области фольклорной традиции. Все это создавало базу для историко-культурных исследований в области фольклора, которым, собственно, ученые этих школ и положили начало.

Но вместе с тем представители мифологической школы (Я. Гримм, А.Н. Афанасьев и др.) явились невольными создателями ряда серьезных заблуждений. Они исповедовали взгляд едва ли не на всех фольклорных персонажей как на «спущенных с небес» персонажей высшей мифологии. Это, в свою очередь, отводило от постановки вопроса о предании и эпосе как жанрах исторического характера, от важной проблемы преломления в них реального исторического факта. Фольклорный материал весьма скупо использовался даже как историко-культурный источник. По сути, его возможности сводились к основаниям для конструирования, нередко в романтическом духе, национальных мифологий. Вопрос об исторических корнях фольклора затрагивался

мифологистами лишь в малой степени. Однако все-таки сама постановка вопроса о древних корнях фольклора закладывала основания для должной его историко-культурной оценки. К тому же многие выводы мифологистов об отражении древней мифологии и обрядности в фольклорной традиции разных народов в итоге выдержали проверку временем.

Реакцией на воззрения традиционной фольклористики и исторической науки на произведения фольклора явился расцвет на рубеже XIX—XX вв. так называемой исторической школы (А. Хойслер, В.Ф. Миллер и др.), являвшейся с тех пор основным оппонентом школы мифологической. Историки и литературоведы, ставшие основоположниками исторической школы, выдвинули идеи доверия к данным фольклора (тем более зафиксированного еще в средние века) при реконструкции конкретной истории, непосредственного отражения в произведениях фольклора реалий социальной и политической истории.

Принципиальное признание широких исторических корней фольклора, возможной связи его «исторических» жанров не только с мифологемами, но и с конкретным фактом, открывает более широкие перспективы для исследователей рассматриваемой проблематики. С другой стороны, жанры фольклора, призванные, по представлениям самих носителей устной традиции, сохранять представления о конкретной истории, по-прежнему остаются во многом объектом дебатов между «мифологистами» и «истористами». В центре дискуссии по-прежнему проблема более источниковедческого характера — применимость материала в качестве источника для воссоздания реалий описываемых времен. Во второй половине XX в., следует отметить, дискуссия стала гораздо плодотворнее, а позиции сторон во многом сблизились. Так, продолжавший многие традиции мифологической школы В.Я. Пропп продемонстрировал значение русских сказок как социально-исторического и культурно-исторического источника [4].

Довольно негативной чертой, воздействовавшей на исследование устной народной традиции и особенно ее генезиса в СССР и странах Восточной Европы, при всех значительных достижениях особенно послевоенного периода, являлось жесткое настаивание не только на «народном» характере (что не вызывает сомнений), но и на исключительно «народном» генезисе всех или почти всех памятников фольклора. Тем самым сужалось поле возможного исследования в области явно существовавшей

(памятники наподобие западноевропейских эпических поэм или «Слова о полку Игореве») дружинно-аристократической устной традиции. Проблема же взаимодействия в живом бытовании фольклора разных социальных слоев, общих корней устной традиции на уровне эпохи племенного строя выходила до последних советских десятилетий за пределы возможностей отечественной науки. Заметное исключение в этой связи представляли ставшие классическими разработки В.П. Адриановой-Перетц [1].

Следует еще раз отметить следующее обстоятельство. Устное историческое предание, конечно, не является, безусловно, точным, равноценным письменному документу эпохи, отображением действительности. Мифологизм предания далеко не всегда следствие позднейших наслоений — ведь мифологические образы составляли для человека дописьменной, и не только дописьменной эпохи неотъемлемую часть эмпирической реальности. Другой важный момент — осмысление фактов реальной жизни уже в реконструируемом тексте-прообразе через призму определенных мировоззренческих и религиозно-мифологических архетипов. В сказаниях и преданиях эпохи «варварства» деяния реальных персонажей племенной и родовой истории преломляются через призму исконных представлений о духах и сверхъестественных эпонимах, а теперь и о богах, сводятся к складывавшимся тысячелетиями универсальным сюжетным схемам. Но это еще не вымысел, и преломление факта, его интерпретация не есть доказательство вымышленности самого факта и тем более связанного с ним лица. Еще отметим, что для первых историописателей подобная интерпретация реальных фактов характерна и там, где они основываются на современных событиям записях. Следовательно, наличие «универсальных фольклорных схем» не разрывает связи между культурным памятником и лежащим в его основе реальным фактом. Однако миф и реальность «синкретически» переплетаются, как это было на скандинавском материале показано М.И. Стеблин-Каменским [5].

Обращаясь к памятникам славянской исторической литературы средневековья, мы можем видеть, что в них нашли отражение памятники всех трех жанров, несущих в бесписьменной среде и отчасти позднее функцию сохранения исторической памяти. Это следующие жанры:

1. *Дружинно-аристократическое предание о племенной и раннегосударственной истории* (по В.П. Адриановой-Перетц — «родовые предания («устные летописи»)» [1]. Памятники этого жан-

ра представляли собой официальную историю в дописьменный период и позднее отчасти сосуществовали с письменной историей, постепенно преобразуясь в «родовые саги» отдельных знатных фамилий. Позднее они окончательно деградируют, дав начало жанру малодостоверных и призванных удовлетворять словную кичливость родословных преданий дворянства.

2. *«Простонародные» исторические предания*, собственно «фольклорная» (по этимологии термина) устная традиция. У В.П. Адриановой-Перетц — «предания, связанные с памятными местами». [1] Предания такого рода могут быть достаточно достоверны в том, что касается истории семьи или общины. Но предания о «большой» истории, об известных личностях и событиях, если они не привязаны конкретно к локусу носителя традиции, малодостоверны и носят полуанекдотический характер. Однако многие события общегосударственной истории сохранились в памяти народа благодаря именно привязке к определенному месту, к «родному краю». Кроме того, в «простонародной» среде могут подолгу сохраняться остатки умершей дружинно-аристократической устной традиции.

3. *Героический эпос в поэтической форме*, рождающийся изначально на стыке поэтизированного исторического предания и более древней мифоэпической традиции. Аналогами его в живом народном бытовании являются у русских — былины, у южных славян — юнацкие песни. На ранних стадиях такие народные эпические песни могли соприкасаться и испытывать влияние дружинной поэзии. В истоках своих на уровне еще догосударственном и дописьменном, при отсутствии строгой социальной стратификации эти жанры, вероятно, тождественны. Комплекс письменных свидетельств о русском эпическом герое Александре (Алеше) Поповиче [3] дает уникальную возможность проследить эволюцию былинного сюжета от памятника дружинного эпоса XIV—XV вв. Сохранившееся в ранней записи «Описание об Александре Поповиче» с известной точностью отражает исторические реалии начала XIII столетия. Но они совершенно затерялись по мере погружения былины в народную толщу, где на смену им приходили мифоэпические темы и образы. Вместе с тем этот конкретный пример, очевидно, не должен становиться основой для безусловного приятия устаревшей концепции аристократического происхождения народного эпоса в целом. Основываясь на предании, эпос, тем не менее, не может

нести функции безусловно точного сохранения в памяти потомков событий этнической истории. Сохраняя наследство древнего мифологического и мифогероического сказания, он в каждой новой фазе бытования все более удаляется от первоначального предания, а «эпическое время» постепенно исключается из общих представлений о прошлом народа и страны, из истории.

Итак, памятники первого (но отчасти и третьего) жанра представляли собой официальную историю в условиях бесписьменного общества. Они, естественно, и ложились, как правило, в основу истории письменной, появляющейся у славян, по наиболее убедительным заключениям исследователей в течение XI в. Однако вполне ясно, что источником для оригинальных сведений по древнейшей эпохе эта традиция могла служить лишь в пору своего живого бытования, то есть до XV в. На Балканах уничтожение этнической государственности в ходе османского завоевания привело к тотальному уничтожению местной аристократии. Оформление единых Московского и Литовского государств создали неблагоприятные условия для сохранения традиций аристократической культуры древних центров Руси, знать которых могла возводить свои родословные к временам первых Рюриковичей. Кроме того, неблагоприятные условия для живого бытования дружинного предания в традиционной форме создавало и широчайшее распространение книжной культуры, лишавшее власть потребности в устной передаче государственной истории. Свои особенности, заслуживающие отдельного исследования, имело восприятие устной славянской традиции в рамках латинской культуры западнославянских государств.

Важной проблемой при исследовании исторических текстов средневековья является их «трафаретность». Естественно, что описание событий этнической истории (в случае с русской летописью) языком Библии и византийской литературы, с использованием стереотипных оборотов, в конечном счете — неоригинальность формы повествования не могла не сказаться в той или иной степени на сюжетной составляющей текста. Однако, как отмечается в современной литературе применительно к самой византийской историографии, «совпадение рассказов по форме с сюжетами античных историков не повлияло на достоверность изложения» [2]. Применительно к рассматриваемому здесь русскому материалу речь должна идти, конечно, не о достоверности, а о сюжетной адекватности первоисточнику (в том числе уст-

ному первоисточнику). Следует также отметить, что «трафаретность» в славяноязычной литературе резко снижалась за счет использования родного языка — в известном смысле за счет «перевода» самого «трафарета».

Литература

1. *Адрианова-Перетц, В.П.* Древнерусская литература и фольклор [Текст] / В.П. Адрианова-Перетц. — Л., 1974.

2. *Бибииков, М.В.* Византийская историческая проза [Текст] / М.В. Бибииков. — М., 1996. — 154 с.

3. *Лихачев, Д.С.* Летописные свидетельства об Александре Поповиче / [Текст] Д.С. Лихачев // Труды отдела древнерусской литературы. — Т. 7. Л., 1949.

4. *Пропп, В.Я.* Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В.Я. Пропп. — Л., 1946.

5. *Стеблин-Каменский, М.И.* Мир саги [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский. — М., 1981.

Калимуллина Г.И.

СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Взгляды на сущность образования за последние десятилетия претерпели изменения. В третьем томе Педагогической энциклопедии образование определяется как процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков. Во втором томе Российской педагогической энциклопедии образование определяется как процесс педагогически организованной социализации, осуществляемой в интересах личности и общества. В свою очередь, под социализацией понимается освоение культуры общества, что обеспечивает возможность для человека выступать в качестве субъекта деятельности, выполняя различные социальные роли. «Образование» по словарю В.И. Даля происходит от глаголов «образовать, образовывать», которые в свою очередь восходят к глаголу «образить». Образование (ума и нрава, по Далю), есть целостный процесс придания душевного, умственного и духовного облика растущему человеку. Закон РФ «Об образовании» определяет образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, обще-